

В голове Гу Хуайцина мелькнула догадка, и он всё понял. — А! Ты хочешь... выманить змею из норы!

Дуань Минчэнь одобрительно кивнул:

— Верно! Я арестовал Шэнь Юйчжу и намеренно распустил слух, будто дело закрыто. Тогда настоящий убийца расслабится и выдаст себя.

— Хм, по-моему, настоящая лиса — это ты! — Гу Хуайцин не мог не признать мастерство Дуань Минчэня, но на словах продолжал упрямитесь.

— Ошибаешься, я — охотник, что расставил ловушки и ждёт добычу! — С этими словами Дуань Минчэнь слегка сжал предплечье Гу Хуайцина. — А теперь... можешь отпустить?

Тёплое прикосновение заставило Гу Хуайцина вздрогнуть. Они стояли так близко, что он чувствовал мужественный, свежий запах Дуань Минчэня. Его сильное, решительное лицо было тронуту насмешкой.

Гу Хуайцин вспомнил, как только что вспыл, и понял, что, должно быть, выглядел в глазах Дуань Минчэня нелепо и невежливо. Его щёки залились краской, и он резко отдернул руку, отступив на несколько шагов.

— В следующий раз... прежде чем что-то затевать, поставь меня в известность, — буркнул Гу Хуайцин, хотя сам осознавал свою неправоту.

Дуань Минчэнь парировал:

— А в следующий раз, прежде чем вспыхнуть, выслушаешь моё объяснение?

Гу Хуайцин надул губы:

— Не буду с тобой спорить! Кончим это дело — и будем как водица с маслом!

— Ладно. Но прежде чем стать «водицей с маслом», не починишь ли ты мне дверь? — Дуань Минчэнь указал на повреждённый косяк.

— Договорились! Потом подарю тебе железную, которую не проломить!

— Тогда заранее благодарю за подарок! — Дуань Минчэнь улыбнулся, и выражение его лица было настолько самодовольным, что Гу Хуайцина это бесило.

— Ты...

Гу Хуайцин понял, что Дуань Минчэнь, при всей внешней холодности, был мастером словесных дуэлей и мог довести кого угодно до белого каления.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин расставили ловушки, ожидая, когда жертва сама в них угодит, но первой в сети оказалась хорошенькая служанка.

Цю Лянь, в отличие от своей обычной сдержанности, стояла на коленях, её лицо было искажено страхом.

— Господа, я невиновна! — едва вымолвила она и залилась слезами.

У Гу Хуайцина, казалось, сейчас лопнет вена. Что за напасть с этими женщинами из дома Шэнь — все они только и делают, что плачут! Он и Дуань Минчэнь были настоящими мужчинами, не боявшимися ни меча, ни стрелы, но женские слёзы приводили их в замешательство.

Дуань Минчэнь тоже был озадачен:

— Цю Лянь, встань и говори. Если есть что сказать, говори прямо.

Но Цю Лянь не встала, продолжая рыдать:

— Не смею встать, я виновна. Я пришла, чтобы повиниться и защитить моего молодого господина.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин переглянулись. Дуань Минчэнь спросил:

— В чём твоя вина?

— Господа, вчера, когда вы меня допрашивали, я... я сказала не всю правду. Я кое-что утаила.
— Цю Лянь запнулась, робко взглянув на них. Увидев, что их лица не выражают гнева, она немного успокоилась и продолжила. — Вчера я сказала, что не знала о вине, которое молодой господин прятал на кухне. Но на самом деле... я знала. Он попросил старуху Лу купить бутылку хорошего вина и спрятал её в самом низу шкафа. Каждый вечер, когда он приходил за ночным перекусом, то прихлёбывал оттуда. Но хотя вино было его, он пил его только сам, а не для того, чтобы убить господина! Он невиновен!

Гу Хуайцин не выдержал:

— Почему ты так уверена, что это не он?

— Потому что... потому что... — Цю Лянь вдруг покраснела, начала запинаться, и голос её стал едва слышен.

Гу Хуайцин уже готов был вспылить, но Дуань Минчэнь, заметив её смущение, остановил его и мягко сказал:

— Здесь только мы двое. Что скажешь — останется между нами. Говори без страха.

Получив это заверение, Цю Лянь решительно кивнула и с твёрдостью произнесла:

— На самом деле, после того как старуха Лу ушла, молодой господин не сразу отнёс ночной перекус наложнице Цзян. Он достал вино и предложил мне выпить с ним пару чашек.

Цю Лянь покраснела, поправила волосы у виска и, опустив глаза, продолжила:

— По правде говоря, я была его служанкой с четырнадцати лет, и мы... мы были близки. Он был ко мне добр и даже обещал сделать меня своей наложницей...

— Но потом... наложница Цзян узнала о наших отношениях и страшно разгневалась. Она меня отругала и сослала на кухню, но мы всё равно продолжали видеться, пользуясь случаем, когда он приходил за едой.

— В ту ночь он выпил со мной несколько чашек, попросил спеть пару песенок, а потом, пока на

кухне никого не было, обнял меня и прижал к плите...

Гу Хуайцин с отвращением нахмурился. Шэнь Юйчжу и впрямь был развратником — даже идя за ночным перекусом для матери, не упускал случая позабавиться со служанкой. Впрочем, рассказ Цю Лянь вполне соответствовал его характеру.

— После этого он ещё немного поговорил со мной, снова спрятал вино в шкаф и в три четверти десятого унёс ночной перекус. Всё это время я была с ним, и он даже не прикасался к лекарству. Через четверть часа после его ухода я услышала кошку и вышла во двор прогнать её. Видимо, убийца и воспользовался этим моментом.

Гу Хуайцин спросил:

— А может, Шэнь Юйчжу вернулся?

Цю Лянь решительно покачала головой:

— Господин, подумайте сами. Если бы человек задумал убить отца, разве стал бы он перед этим пьянствовать и заигрывать со служанкой? Разве может тот, кто замыслил такое злодейство, быть столь беспечным?

— Я служила молодому господину больше четырёх лет и хорошо знаю его нрав. Да, он любит выпить и поволочиться за женщинами, учится не слишком усердно, но он не злодей. Убийство отца — нечто, на что он бы никогда не пошёл. У него нет ни ума, ни хитрости для такого. Он невиновен!

Гу Хуайцин спросил:

— Если ты так уверена, что не он, то кто же? В ту ночь в роще видели мужчину в белом ханчжоуском шёлке, а в доме был только Шэнь Юйчжу.

— Я... — Цю Лянь выглядела смущённой. — Возможно, убийца был не из дома Шэнь, а пришёл извне. В последнее время в столице говорят о наёмных убийцах. Ван Дуцзю тоже был целью покушения. Господин занимал высокий пост — быть может, у него были недруги, что наняли убийцу.

Гу Хуайцин задумался, но версия показалась ему маловероятной. Если бы убийца был не из дома Шэнь, откуда бы он узнал, что у Шэнь Цзюньжу кровохарканье и ему нельзя вино? Даже если убийца пришёл извне, в доме должен был быть сообщник.

Дуань Минчэнь сказал:

— Ты знала, что дело серьёзное, но на допросе скрыла правду. Если это станет известно, тебе не избежать наказания.

— Я знаю, что виновна. Сегодня я, забыв о стыде, рассказала вам о своих отношениях, уже не заботясь о своей жизни. Я лишь прошу вас, господа, разобраться в деле и восстановить справедливость, дабы мой молодой господин был оправдан!

С этими словами Цю Лянь низко склонилась, коснувшись лбом пола.

Смысл её слов был ясен: она готова была пожертвовать репутацией и жизнью ради оправдания Шэнь Юйчжу.

Гу Хуайцин с недоумением спросил:

— Неужели Шэнь Юйчжу действительно заслуживает такой преданности?

Цю Лянь подняла голову и с грустной улыбкой ответила:

— Быть может, для других он всего лишь распутный и бездарный молодой человек, но для меня он — тот, кому я отдала своё сердце. Я знаю, что я всего лишь служанка, и никогда не смела говорить о своих чувствах. Знаю, что он ветрен и непостоянен, и я всего лишь одна из многих его любовниц. Но я люблю его и готова на всё ради него, без сожалений!

Её слова, полные искренности и преданности, тронули даже такого сурового мужчину, как Дуань Минчэнь.

<http://bllate.org/book/16283/1466685>